

Романы Некрасова 40-х и 50-х годов. — «Три страны света» и «Тонкий человек». Повесть «Как я велик!»

До сих пор речь шла, преимущественно, о деятельности Некрасова как редактора-издателя «Современника». Нельзя не сказать об его сотрудничестве в нем в эти годы. Это сотрудничество выразилось в создании целого ряда прозаических и стихотворных произведений. Однако проводить свои стихи, по-прежнему в большинстве случаев чрезвычайно острые в социальном отношении, в печать Некрасову в годы мрачного семилетия становилось все труднее и труднее, а потому он вынужден был именно как сотрудник журнала, чрезвычайно нуждавшегося в материале, обратиться к прозе. Имея в лице А. Я. Панаевой, как раз в это время ставшей его гражданской женой, постоянного соавтора, хотя и не отличавшегося сколько-нибудь значительным художественным талантом, но все же оказавшего ему очень значительную помощь (литературный псевдоним А. Я. Панаевой — Н. Станицкий), Некрасов в 1848—1849 годах создает и печатает в «Современнике» большой роман «Три страны света».

Роман этот относится к жанру авантюрных романов. Авантюристность содержания сказалась особенно ярко в повествовании о приключениях главного героя, Каютина, путешествующего в трех странах света, чтобы приобрести материальную обеспеченность, необходимую для женитьбы на любимой девушке, и в повествовании о приключениях оставшейся в Петербурге его невесты, Поленьки, которой угрожают бедность и назойливые ухаживания старого ростовщика и молодого аристократа. Эта авантюристность преследовала двоякую цель. С одной стороны, она заинтересовывала непритязательных читателей того времени (а таковых было очень много!), падких на развлекательное чтение, с другой, она помогала скрыть от особенно свирепствовавшей в эпоху мрачного семи-

летия николаевской цензуры серьезный социальный смысл романа.

Точка зрения Некрасова и подчинившейся его идейному руководству Панаевой (Н. Станицкого) на социальную действительность тогдашней России не изменилась по сравнению с его первым романом «Жизнь и похождения Тихона Тросникова».

В «Трех странах света» нет декларативных заявлений, вроде заявления о «несчастливцах, которым нет места даже на чердаках и в подвалах, потому что есть счастливыцы, которым тесны целые дома», но система образов, как и в «Жизни и похождениях Тросникова», подчинена этой именно идее. Перед читателем снова разворачиваются два мира — мир «счастливыцев» (аристократы Бранчевские, богач-ростовщик Добротин и т. д.), к которым авторы относятся явно несочувственно, и мир бедняков, «несчастливцев», которым принадлежит симпатии авторов.

Весьма характерно, что и во втором романе Некрасова затронут вопрос о формировании демократической интеллигенции. Каютин из своих скитаний по «трем странам света» выносит глубокую веру в народ, в его физическую и нравственную мощь, непоколебимое убеждение, что назначение современного интеллигента в том, чтобы «откинуть лень и положить посильный труд в сокровищницу развития, славы и процветания русского народа». Наряду с Каютиным к представителям нарождающейся демократической интеллигенции должен быть отнесен некий «худой и бледный молодой человек», кашляющий «очень подозрительно».¹ Во время прогулки за городом он резко восстает против примирения с действительностью, проповедуемого его спутниками. Жизнь «хороша, — говорит он, — но не для всех. . . Я не так скоро мирюсь с жизнью и прощаю ей. . . Вы страдали, лежа на диване и куря дорогую сигару, а я страдал, умирая с голоду и холоду. . . Вам есть хочется? у вас аппетит? — вы радуетесь, потому что вас ожидают тонко приготовленные блюда. Я же, я до сих пор без страха не могу чувствовать голод: мне все кажется, вот я опять предчувствую унижение, злобу на свое бессилие, как в былое время, когда над головой моей пируют гости, а я, я думаю, где взять обед». В этих словах «бледного молодого человека» уже чувствуется то глубоко отрицательное отношение к дворянским либералам,

¹ «Худой и бледный молодой человек» — чисто эпизодическое лицо, фигурирующее в первой главе четвертой части романа; ему приданы некоторые автобиографические черты.

которое выработал Некрасов в школе Белинского. О том же говорят и образы либеральствующих помещиков Тульчинова и Данкова.

Второй роман Некрасова отделен от первого промежутком в целых 5 лет. Так как эти годы (1843—1848) были для Некрасова годами усиленного роста, то вполне естественно, что при сопоставлении этих романов, наряду с чертами сходства, обнаруживаются и черты различия. Одной из черт различия, кроме разнородности формы и жанра, следует признать насыщенность содержания «Трех стран света» демократическими тенденциями. Критика мира «счастливец», о которой только что было сказано, дается с демократических позиций, а одним из основных образов в «Трех странах» является образ великого — героического в труде, героического в борьбе — русского народа. Наиболее ярко он воплощен в лице Антипа Хребтова, помора-морехода. Это он, благодаря «дивной находчивости русского человека», спас севшую на мель «лодью»; это он не пал духом даже тогда, когда был унесен на льдине в океан, т. е. попал в положение, единственным выходом из которого, казалось, была смерть; это он, одушевленный мыслью — «коли час мой пришел, так хоть смертью молодецкой умру!», — смело кинулся на огромного медведя и одолел его в неравном бою, с рогатиной и ножом в руках; это он во время бесконечной полярной ночи, в более чем трудных условиях новоземельской зимовки, поддерживает мужество своих сотоварищей. Одним словом, всегда и повсюду, при всех обстоятельствах Антип Хребтов проявляет себя как подлинно героическая личность. И как бы из желания подчеркнуть, что он не одинок, Некрасов вкладывает в его уста рассказ о «Похождениях Никиты Хребтова с пятью товарищами в Камчатке и русской Америке». Эти похождения свидетельствуют, что и дед Антипа принадлежал к числу тех русских людей, которые не теряются в самых катастрофических обстоятельствах. И что всего замечательней, и Антип, и его дед, и другие представители народной среды, изображенные в «Трех странах света», проникнуты духом товарищества в лучшем смысле этого слова. Без всякого колебания рискуют они жизнью, когда речь идет о том, чтобы выручить находящихся в беде товарищей.

Как бы заключительным аккордом этой симфонии в честь русского народа являются «Записки Каютина» (8-я часть, гл. 1), в которых говорится о впечатлении от общения с народной средой.

«Ни в ком, кроме русского крестьянина, не встречал я такой удали и находчивости, такой отважности, при совершен-

ном отсутствии хвастовства (заметьте, черта важная!) и, опять повторяю, такой удивительной насмешливости.

«Эти черты ужели мало говорят в пользу его?»

«Я много люблю русского крестьянина, потому что хорошо его знаю. И кто, подобно многим нашим юношам, после обычной «жажды дел» впал в апатию и сидит сложа руки, кого тревожат скептические мысли, безотрадные и безвыходные, тому советую я, подобно мне, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать среди всяких людей, посмотреть всяких див...»

«В столкновении с народом он увидит, что много жизни, здоровых и свежих сил в нашем милом и дорогом отечестве... Увидит и устыдится своего бездействия, своего скептицизма, и сам, как русский человек, разохотится, расхочется: откинет лень и положит посильный труд в сокровищницу развития, славы и процветания русского народа» (т. VII, стр. 738).

Мало сказать об этом отрывке, что он важен для понимания идейного содержания «Трех стран света»; в нем по существу уже сформулирован тот взгляд на народ, который лег в основу и последующих поэтических произведений Некрасова и который делает «Три страны света» произведением, заслуживающим глубокой симпатии советского читателя.

Роман «Три страны света» был последним романом Некрасова, относящимся к 40-м годам. В начале 50-х годов (в 1851 году) в «Современнике», за подписью Некрасова и Н. Станицкого, появился новый огромный роман «Мертвое озеро». Перу Некрасова он принадлежит в несравненно меньшей степени, чем перу Станицкого. Этим, разумеется, и объясняется, что он значительно слабее «Трех стран света». Авантюрные элементы в его содержании явно преобладают. Все же справедливость требует отметить, что и в нем затронуты не лишние значения социальные темы. Особенно много внимания уделено тяжелому положению женщины (воспитанницы, гувернантки, актрисы) в крепостническом обществе. Аристократы (образ графа Тавровского) явно не пользуются симпатиями авторов.

Чтобы закончить обзор художественной прозы Некрасова за 50-е годы, необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на последнем, четвертом (если считать «Мертвое озеро» третьим) романе Некрасова «Тонкий человек» и повести его «Как я велик!». Оба эти произведения, к сожалению, дошли до нас в незаконченном виде.

Общественно-психологический источник их — в предвидении «новых времен», приближение которых остро почувствовалось, когда Крымская война, вылившаяся, в конце концов, в тита-

ническую борьбу под стенами осажденного Севастополя, принимала все более грозное, а затем все более неблагоприятное для царского правительства, течение. Люди столь пронизательного ума и столь исключительной чуткости, как Некрасов, понимали, что правительству грозит поражение и что, как только война закончится, оно будет вынуждено пойти на реформы в области социальной и в области политической. Правительство, вероятно, попробует придать реформам половинчатый характер, а поэтому истинным друзьям народа придется вступить с ним в отчаянную борьбу. В связи с этим огромное значение приобретал вопрос о том, кого же считать истинными друзьями народа. Прежде чем дать прямой ответ на него Некрасов решил показать обществу, что дворянские либералы, считавшие себя солью земли, менее всего могут быть причислены к истинным друзьям народа.

К такому именно выводу предрасполагает идейный смысл романа «Тонкий человек» и повести «Как я велик!».

Роман «Тонкий человек», над которым Некрасов работал в 1853—1854 годах, был напечатан в № 1 «Современника» за 1855 год. Рядом с ним были напечатаны произведения таких писателей, как Тургенев («Месяц в деревне») и Толстой («Записки маркера»). Этот факт нельзя не признать симптоматичным: очевидно, Некрасов считал «Тонкого человека» не лишенным крупных литературных достоинств, иначе не рискнул бы поместить его в столь близком соседстве с Тургеневым и Толстым. Этим же объясняется, что в свои предсмертные автобиографические записки он внес такое пожелание: «Прозы моей надо касаться осторожно. Я писал из[за] хлеба много дряни, особенно повести мои, даже поздние, очень плохи — просто глупы; возобновления их не желаю, исключая „Петербургские углы“ (в «Физиологии Петербурга») и разве „Тонкий человек“ (начало романа в «Современнике)».¹ С таким огульным осуждением Некрасовым его прозаических произведений («даже поздних») согласиться невозможно,² несмотря на то, что осуждение это исходило от самого автора. Здесь, разумеется, сыграли роль принимавшая подчас прямо-таки болезненный характер скромность Некрасова и необычайная высота

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, Н. А. Некрасов, I, М., Изд. АН СССР, 1946, стр. 153.

² В нашей монографии (В. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I. Госполитиздат, 1947, а также в VIII—IX гл. т. II, 1950) мы старались доказать, что романы «Жизнь и похождения Тросникова» и «Три страны света», а также некоторые рассказы Некрасова заслуживают весьма положительной оценки.

предъявляемых им к себе требований. Тем важнее констатировать, что Некрасов сделал исключение для «Петербургских углов» и «Тонкого человека». И действительно, эти два произведения среди прозаических произведений Некрасова занимают первое место, а говоря безотносительно, принадлежат к числу замечательных образцов русской художественной прозы 40—50-х годов XIX века.

Основной темой «Тонкого человека» является тема дворянского либерализма, нашедшая свое воплощение в образе Грачева, иронически названного автором «тонким человеком».

Что такое «тонкий человек»?

На этот вопрос даются ответы вторым героем романа — Тросниковым (примечательно, что этим же именем назван герой первого романа Некрасова, образу которого, как и образу Тросникова в «Тонком человеке», придан ряд автобиографических черт) и самим автором.

«Тонкий человек», по Тросникову, — самовлюбленный эгоист («человек, много думающий о своей особе»), не получивший сколько-нибудь серьезного образования («плохо учился»), но нахватавшийся разнообразнейших, конечно, отнюдь неглубоких сведений, наконец, не могущий, да и не желающий творчески работать. Присущие ему припадки дурного настроения, изливаемые им обычно в форме «красноречивых и мрачных признаний» приятелю («прекрасная привычка: как только дрянь какая заведется на душе, то тотчас бежать к приятелю»), объясняются весьма прозаическими и лишенными всякой глубины и серьезности мотивами. Тросникову не составляет труда угадать их. «Проиграл! Ну, вот видишь, ты проиграл вчера, да и вообще в зиму попроигрался, приятели дали несколько шелчков твоему самолюбию, и дали поделом. . . Ну, и женщины тоже».

Характеристика Грачева, данная Тросниковым, дополняется автором уже от себя. Уже не от Тросникова, а от самого автора мы узнаем, что Грачев был «столбовым русским дворянином», владельцем обширного поместья на берегу Оки. Автор, а не Тросников, вкладывает в уста пьяненькому крепостному рассказ об отце Грачева, явно антикрепостнический смысл которого очевиден.

« — Ну, я вашего батюшку знал, коротко знал. . . Бывало, едет с собачками, как встретит, тотчас узнает. . . „А ты, — говорит, — опять пьянехонек, Гришка, только и знаешь пьянствовать. Смотри у меня, как почну, — говорит, — таскать тебя, пьяная ты рожа, так всю твою рыжую бороду выщиплю!“ — А и выщипли, батюшка, выщипли! Твоя воля! Чего не выщипать!

«И мужик подставлял свою бороду в тарантас к Грачеву, как будто желал сказать своими живыми глазами: всё равно, не отец, так сын, всё равно, пощипли, коли охота есть!» (т. VI, стр. 438).

Грачев слишком «тонкий человек», чтобы поддаться подобному соблазну, он даже не прочь и побаловать мужика, но и балуя не может воздержаться от следующих размышлений, выдающих его крепостническое нутро: «тебя бы следовало накормить зуботычинами, а мы тебя поим портвейном, который стоит два рубля серебром за бутылку» (т. VI, стр. 447).

Однако самым сильным обвинением по адресу Грачева является его отношение к крестьянину, к мужику как к человеку низшей породы, заслуживающему если не явного, то тайного презрения. Тросникову нередко приходится вступать с ним по этому поводу в споры. Особенно резкий оборот принимает между ними спор о том, способен ли мужик любить родную природу, воспринимать поэзию родных полей. Грачев, пародируя Тросникова, восклицает: «Но подумал ли, что ты говоришь? Ведь уши вянут! „Крестьянин видит перед собою поля! . . . поля, облитые его потом и кровью, всосавшие в почву свою пот и кровь его дедов и прадедов, — видит и бессознательно любит их и — сам не сознавая почему — испытывает чувство отрады и успокоения, видя их перед собою. . . это его поэзия!“ . . . Ха! ха! ха! Какая тут поэзия! Просто животная привычка» (т. VI, стр. 426). Чувствуя, что ему не удастся убедить Тросникова, Грачев ссылается на авторитет их общих приятелей Ильменева (т. е. Тургенева), Горновского (т. е. Грановского) и Лодкина (т. е. Боткина). Но и ссылка на авторитеты не заставляет усомниться Тросникова в своей правоте. «Названные им (т. е. Грачевым, — В. Е.-М.) общие их приятели были, точно, люди или, вернее сказать, говоруны умные, блистательно образованные и начитанные. . . однакож он (т. е. Тросников, — В. Е.-М.) остался при своих мыслях» (т. VI, стр. 427).

В этих словах выражено в достаточной степени определенное несогласие Тросникова, — а за ним и самого Некрасова, — с дворянскими либералами, даже такого масштаба, как Тургенев, Грановский и Боткин. Таким образом, уже в 1854 году, когда писался «Тонкий человек», явно определилась та трещина, которая, в конечном результате, выросла в непроходимую пропасть между дворянскими либералами и Некрасовым, рука об руку с которым в это как раз время начал свою журнальную работу революционный демократ Чернышевский.

Чтобы закончить характеристику Грачева, приведем еще один мелкий, но исключительно яркий штрих: им было «сделано распоряжение о приобретении опытного, неутомимого и хорошо знающего местность мужика, для сопровождения путешественников на охоте» (т. VI, стр. 429). Либерализм, участие в «кружке умников», таким образом, не мешают Грачеву приобрести людей, как рабочую скотину.

Анализ образа Грачева не может не привести к заключению, что этот образ, несмотря на тяжелые цензурные условия, сурово разоблачает дворянский либерализм с явно демократических позиций.

Насколько далек уже в это время Некрасов от дворянского либерализма, видно также и из того, в каком духе и направлении ведет он на страницах «Тонкого человека» разработку темы «народ—крестьянство».

В романе дано несколько ярких образов представителей народной среды. Сюда относятся прежде всего образы ямщиков, один из которых является воплощением удали и неизбывного мужества, присущих русскому народу, а другой — воплощением физической мощи, выносливости и терпения. Значительно подробнее, чем образы ямщиков, разработан образ старика-бурмистра Потанина, пользующегося огромным авторитетом в глазах местного населения. Авторитет этот зиждется на необычайной высоте его нравственного облика. «Правдой страшен, правдой и силен», — говорят о нем крестьяне управляемой им вотчины, подчеркивая его абсолютную неспособность отклоняться от того, что он считает своим долгом, негибемую твердость характера, прямоту. Вместе с тем Потанин обладает незаурядными административными способностями, блестяще справляясь с многосложными обязанностями бурмистра крупнейшего имения. В своей деятельности, — это усиленно подчеркивает автор, — Потанин неизменно проявляет себя самоотверженным мирским работником. До очевидности ясно, что к образу Потанина Некрасов вернулся в своем шедевре — поэме «Кому на Руси жить хорошо» — и на основе его создал всем и каждому известный образ Ермила Гирина.

И образы ямщиков и образ Потанина — индивидуальные образы, но это не препятствует им, в своей совокупности, воссоздавать коллективный образ великого русского народа, к которому со второй половины 40-х годов приковано внимание Некрасова. Воссозданию этого коллективного образа немало способствуют и массовые сцены повести. К массовым сценам, в известной мере, приходится отнести сцены, рисующие переправу Грачева и Тросникова через разлив в утлых «ботниках»,

управляемых гребцами из местных крестьян. На долю Грачева и Тросникова во время переправы, естественно, выпадает чисто пассивная роль; что же касается гребцов, то они проявляют и силу, и выносливость, и умение выходить из самых рискованных положений, и незаурядное мужество.

Если некоторые критики в прежнее время упрекали Некрасова, как автора стихотворения «В дороге», в подделках под народную речь («варган», «вальяжный», «то-ись» и т. д.), то теперь подобного рода упреки, и тогда уже не вполне справедливые, явным образом были бы неуместны. Язык крестьянских персонажей в «Тонком человеке» поражает своей яркостью, сочностью и в то же время подлинной безыскусственностью.

О глубоком интересе к народному языку, а вместе с тем и о прекрасном знании его Некрасовым можно судить еще и по тому, что он вводит в текст «Тонкого человека» целое рассуждение об употребляемых в народной среде словах, каковы: «тетеря, ворона, сорока, пропащий человек, вахлак, войлок, увалень, рохля» и т. д., и, вскрывая их значение, обнаруживает свою исключительную осведомленность в этой области.

«Тонкий человек» — роман, выдержанный в стиле и манере Гоголя. Высказанное когда-то мнение о подражательном характере данного произведения, причем в качестве образцов указывались Диккенс и Теккерей, явно несостоятельно, но печать гоголевского влияния неоспорима.

Насколько вырос в это время Некрасов как самобытный художник исключительно крупного масштаба, можно судить по тому, что автор «Тонкого человека», несмотря на сюжетную близость своего романа к прославленным «Запискам охотника» («Тонкий человек» ведь это, если говорить по существу, тоже своего рода «записки охотника»), отнюдь не подчинился тургеневскому влиянию и сумел найти для себя свою собственную дорогу. Другой пример той же самобытности. Великолепная драматическая сцена «За стеной», составляющая одно из высших достижений автора романа, очень напоминает Островского, с наименьшей беспощадностью разоблачая не имеющую границ алчность и доходящее до дикости невежество «рыцарей первоначального накопления». Однако, исследуя источники этой сцены, нельзя не придти к заключению, что таковым является некрасовское «Письмо от купца к купцу», напечатанное в «Литературной газете» в 1845 году, т. е. за два года до того, как Островский стал печатать своего «Несостоятельного должника» («Московский городской листок», 1847, № 7).

Вообще говоря, «Тонкий человек» и по своему общественному смыслу и по своей художественной форме — одно из выс-

ших достижений прозы Некрасова, и некоторые страницы его нельзя не признать классическими.

Повесть «Как я велик!», к сожалению, известна нам только в меньшей своей части. Мы знаем лишь одну главу, да и то черновую, из 5 глав, на которые она разделялась.¹ Трудно судить обо всем произведении по одной главе. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что в повести высмеиваются как Глажиевский (Достоевский) за свою патологическую мнительность, болезненное тщеславие, постоянную готовность прихвастнуть, а то и приврать, так и тот «литературный круг» («литераторы», «литературные сочувствователи»), который так прославил Глажиевского. Представители этого круга, придерживающиеся либерального образа мыслей, обрисованы Некрасовым так, что за ними чувствуются их реальные прототипы: Анненков, Боткин, Григорович, Панаев. Все это, по Некрасову, не слишком глубокие, до страсти любящие посплетничать люди, хотя некоторые из них не лишены ни ума, ни литературного дарования.

И «литераторам» и «литературным сочувствителям» в повести противопоставлен выдающийся критик Мерцалов. В нем нетрудно узнать Белинского. Он, подобно Белинскому, одарен огромным критическим талантом, он всегда искренен, правдив до ригоризма, горяч до резкости. Его влияние на окружающих огромно и в огромном большинстве случаев благотворно. Однако и ему приходится ошибаться: так, Мерцалов жестоко ошибся, уверовав, без достаточных оснований, в гений Глажиевского.

Если бы Некрасов опубликовал свою повесть, написанную, примерно, в 1855—1856 годах, разрыв между ним и дворянскими либералами произошел бы значительно раньше, чем он произошел на самом деле. Однако, считая этот разрыв, покамест, несвоевременным, Некрасов не напечатал своей повести. Тем не менее она остается ярчайшим доказательством того, что уже в середине 50-х годов Некрасов очень критически относился к либерализму

¹ Данная повесть так и не появилась в печати. Черновик 3-й главы, только 3-й, был найден и опубликован К. И. Чуковским. См.: Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений, т. VI, М., 1950, стр. 454.